

Исторический вестник. История — свидетельница времен. 2024. Т. XLIX.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.001

А.А. Бондаренко

ТВЕРСКИЕ БОЯРЕ ЗЮЗИНЫ НА СЛУЖБЕ В ЛИТВЕ И В МОСКВЕ

В сентябре 1485 г. войско Ивана III подступило к Твери, город был сдан без боя, и все его жители присягнули на верность московскому правителю. Летописи сообщают, что после предательства ближайшего окружения («израдою своих бояр»)¹ великий князь Михаил Борисович, «видя свое изнеможение»², «побежал в Литву»³ с «малою дружиною»⁴, или «не во мнозе»⁵. Преследование беглецов («погоня великая») позволило отбить часть вывезенной из Твери казны («казну отлучиша»)⁶, но самому тверскому князю удалось пересечь русско-литовский рубеж и укрыться у Казимира Ягеллона.

Ход этих событий, предпосылки падения Тверского княжества и последствия утраты им независимости для местной знати обстоятельно

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). М., 1980. Т. 35. С. 122.

² Там же. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 277; Там же. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 358.

³ Там же. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 500.

⁴ Там же. Т. 35. С. 122.

⁵ Вершинин К.В. Рогожский второй летописец начала XVI в. / Средневековая Русь. М., 2022. Вып. 15. С. 212.

⁶ ПСРА. СПб., 1910. Т. 23. С. 162.

изучены⁷. Скупые сведения источников не дают возможности в целом судить о персональном составе «малой дружины», последовавшей за своим князем в изгнание. Из числа выехавших в Литву лиц в исследованиях упоминаются только тверские бояре Зюзины, а главным источником заимствования данных об их эмиграции является местническое дело 1576 г. между В.Г. Зюзиным и Ф.Ф. Нагим⁸. Вместе с тем вопрос о мнимом или реальном выезде представителей рода Зюзиных ранее не ставился в историографии. В отличие от довольно многочисленных бесфамильных (большей частью) «тферитинов» и «тферичей», известных документам Литовской метрики рубежа XV–XVI вв.⁹, Зюзины вполне уверенно идентифицируются в тех же источниках, что позволяет сформулировать основные задачи настоящей работы. В статье предполагается реконструировать состав «литовской» ветви рода Зюзиных (Зузиных) и обстоятельства службы ее представителей после бегства из Твери, а также выяснить степень достоверности устных показаний и письменных «памятей», представленных В.Г. Зюзиным на местническом суде 1576 г.

Общая для Шетневых, Зюзиных и Садыковых родословная роспись не вошла в Государев родословец, но присутствует в основных редакци-

⁷ Основные исследования по теме: *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 199–204; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 887–895; *Зимин А.А.* Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. // История СССР. 1973. № 3. С. 124–142; *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященных 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 281–290; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1385 гг.). Тверь, 1994. С. 353–377; *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государственной службе в конце XV — первой половине XVI в.: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2006; *Конявская Е.А.* Тверь: от Михаила Александровича до Михаила Борисовича // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 84–85.

⁸ Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских (далее — РИС). М., 1842. Т. V. С. 1–36.

⁹ Часть этих лиц, упомянутых в документах начала XVI в., А.А. Хорошкевич относил ко «второму поколению тверских беженцев», хотя доказательств выезда их предков в 1485 г. нет (*Хорошкевич А.А.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 82). А.В. Казаков отметил, что в актах Литовской метрики этого периода политоним «тферитин» является вторым по частоте упоминаний после «москвича»/«москвитина» (*Казаков А.У.* Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV — 30-я гг. XVI ст.): дыс. канд. гіст. навук: 07.00.03. Мінск, 2011. С. 30).

ях родословных книг XVI–XVII вв.¹⁰ В конце XVII в. представители этих семей подали в Палату родословных дел Разрядного приказа в общей сложности пять самостоятельных росписей¹¹. Зюзины и их однородцы возводили себя к Борису Федоровичу Половому, сыну боярина Михаила Всеволодовича Черниговского Федора, «что убиен со князем Михаилом от Батия царя». Эта легенда уже зафиксирована в одной из древнейших редакций родословных книг — Румянцевской¹². В части росписей 1680-х гг. Федор был представлен как «владелец града» Сардикия (ныне София), бежавший от болгарского царя Ивана Асеня II «во Угры» и повстречавший там князя Михаила Всеволодовича¹³. Кроме того, в XVII в. родословная легенда была дополнительно «украшена» выдержками из «Сказания о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора».

После выезда Бориса Полового из Чернигова в Тверь его потомки были боярами и тысяцкими великих князей тверских. Родоначальником Зюзиных является Андрей Иванович Зуза (Зюзя)¹⁴, прямой потомок Бориса Федоровича в пятом поколении. В XVI в. наиболее влиятельной фигурой в роду Зюзиных был Василий Григорьевич, правнук Андрея Зузы. Родившись в Литве и получив там образование¹⁵, в середине сто-

¹⁰ См. общие наблюдения, касающиеся росписей этих родов в составе родословных книг: Кузьмин А.В. Тверской боярский род Шетневых, Зюзиных и Садыковых в XIII — первой половине XVI в. (проблемы генеалогического исследования) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 1 (34). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840000964-9-2/>, платный.

¹¹ Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века (публикация Л.Е. Шабаетова) // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2017. Вып. 2. С. 205–211.

¹² Новые родословные книги XVI в. / Подгот. к печ. М.Е. Бычкова // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 178.

¹³ В конце XVIII в. легенда о происхождении Шетневых и Зюзиных от «властодержателя греческого града Сардикии» Федора была признана Общим гербовником (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 4. № 21; Ч. 5. № 22).

¹⁴ С.Б. Веселовский предложил следующие трактовки личного прозвища Зюзя — 1) промокший человек, 2) плакса, 3) пьяный, 4) разиня (Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 125). По словарю В.И. Даля, «зюзя» — это также «дрянной человек, плохой»; «зюзюкать» (с производным «зюзюка») — «картавить, шепелявить» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1880. Т. I. С. 722). См. также сходные и иные значения слов «зузя» и «зюзя»: Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. С. 23, 43.

¹⁵ Антонио Поссевино отмечал, что В.Г. Зюзин «почти один из всех [советников Ивана IV] немного знал по-латыни» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 49).

летия он оставил службу литовским господарям и выехал в Москву, где сделал более чем успешную карьеру. Его имя внесено в Дворовую тетрадь, но служебные назначения отмечаются только с начала 1560-х гг.; Зюзин входил в Опричный двор, участвуя в ряде походов «в окольное место», затем с чином думного дворянина был включен в Особый двор, неоднократно вел переговоры с иностранными дипломатами¹⁶. Папский посол Антонио Поссевино называл его одним из «12 знатных людей», советников, постоянно находившихся при Иване IV¹⁷. Незадолго до смерти (около 1584/85 г.) Зюзин постригся в Чудов монастырь с именем Варлаам¹⁸.

В течение «московского» периода своей жизни В.Г. Зюзин местничал не менее четырех раз (конфликты пришлось на 1576–1582 гг.)¹⁹. Рассуждая о его участии в местнических спорах, М.М. Бенцианов отметил, что, «несмотря на свое воспитание и условно “литовское” происхождение, он очень быстро адаптировался к реалиям московского общества»²⁰. Яркий тому пример — случившееся в 1576 г. столкновение с Ф.Ф. Нагим, отцом будущей царицы Марии Нагой. Это местническое дело хорошо известно в историографии²¹. В контексте проблематики настоящей работы наибольший интерес представляют приведенные здесь показания В.Г. Зюзина о последствиях выезда его предков, их персональном составе и службе в Литве.

¹⁶ См. наиболее полные справки о его служебной биографии: Мордовина С.П., Станиславский А.А. Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 174; Кобрин В.Б. Опричина. Генеалогия. Антропонирика. М., 2008. С. 41–42. Биографические сведения о В.Г. Зюзине также собраны в научно-популярном очерке: Ярославцева С.И. Ближней думы дворянин Василий Григорьевич Зюзин — вкладчик Златоустовского монастыря // Златоустовские чтения. Сб. докладов научно-практической конференции. 6–7 февраля 2020 г. М., 2021. С. 258–279.

¹⁷ Поссевино А. Исторические сочинения. С. 49.

¹⁸ Духовная жены Алексея Ивановича Годунова Ольги Васильевны, урожденной Зюзиной, 1625 года // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1868. Кн. 4. Смесь. С. 1; Алексеев А.И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 66. Л. 87. Прим. 324.

¹⁹ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 2021. № 230. С. 67–68; № 286. С. 75–76; № 312. С. 79–80; № 352. С. 86.

²⁰ Бенцианов М.М. «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2019. № 12. С. 119.

²¹ См. основную библиографию: Эскин Ю.М. Местничество в России. № 230. С. 67–68.

Во-первых, Зюзин сообщал, что «родной меньшей брат» его прадеда Афанасий Шетнев был подвергнут опале за отъезд своих родичей и на какое-то время заключен в темницу: «а изыман был Офонасей про то, што племянники его родные, дед мой Василий Андреевич Зюзин с братьею, в Литву с своим государем... изъехали». Затем Иван III его «из тюрьмы выпустил», вернув ему тверские вотчины и боярский чин²². Своего родного прадеда Андрея Зузу Василий Зюзин не упоминал вовсе, подразумевая, вероятно, что ко времени присоединения Тверского княжества к Москве он уже умер²³.

Это сообщение Зюзина — одно из немногих известий, указывающих на имевшие место репрессивные меры в отношении тверской знати, — не привлекало должного внимания исследователей. В Тверском сборнике отмечено, что сразу после падения Твери Иван III «великую княгиню Настасию Борисову и бояр тверских много, и князей на Москву свел»²⁴. Л.В. Черепнин с доверием отнесся к этой информации, полагая, что «этот “вывод” имел целью предупредить могущее вспыхнуть в Тверской земле движение местных феодалов, направленное к восстановлению ее политической независимости»²⁵. Основываясь на исследовании А.А. Зимина²⁶, Б.Н. Флоря, напротив, усомнился в реальности описанных здесь масштабов «свода» и указал, что в опалу попал один лишь князь Михаил Дмитриевич Холмский с семьей. Анализ состава землевладений тверской аристократии в середине XVI в. позволил Флоре установить, что большинство местных родов по-прежнему обладали вотчинами и поместьями на территории бывшего Тверского княжества. Исключение составили только Шетневы, Зюзины и одна из ветвей рода Левашевых — они были испомещены в Суздале, утратив поземельные связи с Тверью²⁷.

Возможно, под «сведением» «на Москву» тверской знати следует понимать не буквальное выселение из родовых вотчин и их конфискацию, а какое-то следственное дело, начатое после взятия Твери и раз-

²² РИС. С. 3.

²³ В росписи Зюзиных конца XVII в. отмечено, что Андрей Зуза был боярином великого князя Михаила Борисовича, а после присоединения Твери Иван III «пожаловал» его «к себе в бояря» (Родословные росписи тверской аристократии. С. 210).

²⁴ ПСРА. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 500.

²⁵ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 894.

²⁶ Зимин А.А. Феодалная знать. С. 124–142.

²⁷ Флоря Б.Н. О путях политической централизации Русского государства. С. 282. Абсолютное большинство Левашевых в середине XVI в. все же служили по Твери и Торжку (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 335–336 (указатель)).

Погребение мучеников князя Михаила Федоровича Черниговского и боярина его Феодора. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в.

бравшееся в Москве. Прямой аналогией является «розыскное дело о бегстве» в Литву великого князя Ивана Ивановича Рязанского (1521 г.), в ходе которого допрашивались и подвергались пытке лица, подозреваемые в организации заговора и побега²⁸. Кажется вполне закономерным,

²⁸ Сохранился только его фрагмент: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. III. С. 406–409.

что подобный «сыск», имевший значение политической акции и ставивший целью устранение неблагонадежных лиц с присоединенной территории, мог быть инициирован и осенью 1485 г. Главными жертвами этого следствия стали две наиболее крупные фигуры правящей элиты Твери, причем основанием для их ареста послужили нарочито искусственные причины. Поводом для «поимания» великой княгини-матери Анастасии Александровны стало сокрытие ею драгоценностей из тверской казны, обнаруженных затем ее служанками. Княгиня была «сведена» (или «взята в полон») «к Москве», а потом отправлена в заточение в Переславль²⁹. Арест князя М.Д. Холмского состоялся, по выражению А.А. Зимина, «под лицемерным предлогом» — он был обвинен в нарушении крестного целования своему государю Михаилу Борисовичу и сослан в Вологду³⁰. Нужно полагать, что в действительности великая княгиня тверская и холмский князь обвинялись в содействии побегу Михаила Борисовича, а кроме того, Иван III мог опасаться их сношений с изгнанником в будущем.

Отъезд родных племянников Афанасия Шетнева в Литву являлся вполне веской причиной для его ареста и заключения в темницу, поскольку в сложившейся ситуации их побег безусловно трактовался как измена, и ближайшие родственники беглецов автоматически оказывались под подозрением. Впрочем, Шетнев недолго находился под следствием и вскоре был помилован, сумев доказать свою лояльность московскому великому князю. Уже в мае 1486 г. он получил от Ивана Ивановича Молодого подтвердительную жалованную грамоту на тверские вотчины, в которой был назван его боярином³¹.

Источники XVI–XVII вв. дают разные сведения о том, кто именно из сыновей Андрея Зузы и племянников Афанасия Шетнева сопровождал великого князя Михаила Борисовича в Литву. Как отмечалось выше, в 1576 г. В.Г. Зюзин указал, что это был его дед Василий Андреевич «с братьею». В наказной памяти 1581 г. послу Е.М. Пушкину было велено говорить польским дипломатам о Василии Григорьевиче, что он «не прироженец литовской: от(ъ)ехал дед его с своим г(осу)д(а)рем,

²⁹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 162. Там же. М., 1980. Т. 35. С. 122. Там же. Пг., 1921. Т. 24. С. 236.

³⁰ Зимин А.А. Феодалная знать. С. 126. В Типографской летописи об этом сказано: «...поимал князь великий князя Михайла Холмьскаго и посла в заточение в Вологду про то, что покинул князя своего у нужи, а целовав ему, изменил» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 236).

³¹ РИС. С. 10–11; АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 196.

с великим кн(я)зем тверским, и он потому в Литве остался»³². Антонио Поссевино отмечал, что Зюзин родился в Литве «после того, как туда бежал его отец, москвит по национальности»³³, т. е. Григорий Васильевич Зюзин³⁴. В росписи Шетневых из состава Патриаршей редакции родословных книг также указано, что побег совершил не Василий Андреевич, а его сын Григорий: «...у Василья дети сын Григорий, и тот в Литву отъехал. А у Григорья Зюзина сын Василей, и тот из Литвы приехал»³⁵. Другие редакции родословных книг не содержат данных о выезде кого-либо из Зюзиных. В их росписи, поданной в Палату родословных дел, тоже нет этой информации; здесь обобщенно говорится, что все бояре князя Михаила Борисовича, которые «с ним не отъехали в Польшу», получили боярство при дворе Ивана III — включая и Андрея Ивановича Зузу³⁶.

Как и росписи из состава основных редакций родословных книг, роспись Зюзиных конца XVII в. отмечает у Андрея Зузы только двух сыновей, Григория Страдника и Василия. Василию Андреевичу она приписывает пятерых сыновей: «у Василья Андреевича дети Иван большой, да Григорей, да Костянтин, да Максим, бездетен, да Иван меншой, бездетен»³⁷. Эти данные существенно отличаются от тех, что были озвучены В.Г. Зюзиным на местническом суде 1576 г. Тогда им была предъявлена оригинальная роспись Шетневых и Зюзиных, составленная со слов его отца («что есми слышал у отца своего, то и написал») и включающая сведения о «литовской» ветви рода, которые предсказуемо отсутствуют во всех росписях московского происхождения. Ниже приведем фрагмент этой родословной «памяти»:

«...8 Ивана 8 | Шетнева дети И Андрѣи Зуза, прадед мои, | да Гофана-
сеи Шетнев.

³² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 278–278 об.; Ерусалимский К.Ю. Москвиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в.: дис. докт. ист. наук: 24.00.01. М., 2011. С. 188.

³³ Поссевино А. Исторические сочинения. С. 49.

³⁴ В писарском заголовке к одному из списков грамоты 1506 г., составленном уже в конце XVI в., «москвитинном» был также назван дядя Григория Васильевича Алексея Андреевича Зузин, хотя в тексте документа о его происхождении ничего не говорится (Lietuvos Metrika (далее — LM). Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25. Vilnius, 1998. № 101. P. 161).

³⁵ Родословная книга по трем спискам // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 118 (2-я пагин.).

³⁶ Родословные росписи тверской аристократии. С. 210.

³⁷ Там же.

ꙸ Андрѣа ꙸ Зузы | детеи дѣд мои Василеи, да Григоріи Страдник, | да
 Сѡлексѣи, да Карпъ, Василеи меншой, Андрѣи, | в чернцох был Антоней
 ꙸ Чюда.

ꙸ дѣда бо|лшой мои втец Григорей да Иван.

ꙸ бат(ь)ка | аз да брат Богдан.

ꙸ Григор(ь)а ꙸ Страд|ника детеи Бохтелр, да Беленица, | да Стрѣт, да
 Иванис, да Мисюр.

ꙸ Сѡлексе|а детеи Федор да Роман.

ꙸ Карпа детеи | Борода Зузин.

ꙸ Васил(ь)а ꙸ меншого детеи Иван, | да Костантин, да Ширли... ||»³⁸.

Итак, в этом источнике содержатся имена пятерых лиц из числа «братьи» Василия Андреевича Зюзина, которые могли бы вместе с ним отправиться из Твери в Литву. В прочих росписях Шетневых и Зюзиных Григорий Страдник неизменно показан его старшим братом, однако на суде 1576 г. один из сыновей Григория Иванис Зюзин подтвердил старшинство Василия Андреевича³⁹. Сведений об отъезде Григория Страдника в источниках нет; неизвестны ни его служебные назначения, ни состав землевладений. Его сыновья упоминаются на службе только с конца 1540-х гг., после чего они были внесены в Тысячную книгу и Дворовую тетрадь и регулярно фигурировали в разрядах⁴⁰. Ранее середины XVI в. Григорий Страдник и его сыновья могли служить в одном из уделов, как, например, их однородцы Садыковы (согласно родословцам, служили старицкому князю Андрею Ивановичу) или внук боярина Афанасия Шетнева Петр Иванович с сыновьями (по свидетельству В.Г. Зюзина, имели чины стряпчего, постельничего, стольника и чашника при «дворе» углицкого князя Юрия Васильевича)⁴¹. В любом случае ближайшим родственникам эмигрантов Зюзиных долгое время не находилось места в составе Государева

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1, стп. 2. Л. 42. Публ.: РИС. С. 6–7.

³⁹ Описывая свою степень родства по отношению к опричнику Василию Григорьевичу и отвечая на вопрос судей, «кто их болши, | Иванис ли или Василеи», «Иванис сказал: “Аз имаюс(ь) Васил(ь)ю в родствѣ | дада, а Василеи мнѣ племянник, а пошол | *wt* болшово брата Василеи” |» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1, стп. 2. Л. 75). В публикации 1842 г. последнее слово из приведенной цитаты не прочитано полностью — после букв «Василь...» поставлено отточие, из-за чего смысл фразы теряется. В рукописи после выносной буквы «л» в строку вписана стертая затем буква «а» (изначальное чтение «Васил(ь)а»), а после нее дописаны буквы «еи» (РИС. С. 33).

⁴⁰ Попов С.Н. Тверская знать. С. 167–170.

⁴¹ РИС. С. 5.

двора. Возможно, это было прямым следствием постигшей в 1485 г. Григория Страдника опалы.

Андрей Андреевич Зюзин постригся в Чудове монастыре с именем Антоний: «инок Антоний» отмечен в родопомянной записи Зюзиных монастырского синодика⁴². Из других детей Андрея Зузы иным источникам неизвестны Карп и Василий меньшей с их сыновьями, а также младший сын Василия Андреевича большого (деда В.Г. Зюзина) Иван. Согласно росписи середины 1680-х гг., от этого Ивана Васильевича пошла та ветвь рода, представитель которой Александр Иванович, комнатный стольник царя Иоанна Алексеевича, был одним из подавателей своей родословной в Разрядный приказ. Другая ветвь Зюзиных, живших в конце XVII в., возводила себя к Константину Васильевичу. Из росписи 1576 г. следует, что Иван и Константин Васильевичи были сыновьями Василия Андреевича меньшого, одного из младших сыновей Андрея Зузы. Потомки опричника Василия Григорьевича и Григория Страдника, достигавшие чинов окольничих и бояр, «извелись» уже к середине XVII в.⁴³

В грамотах Литовской метрики и других комплексов упоминаются Алексей Андреевич, его сыновья Федор и Роман (последний — ретроспективно), Григорий Васильевич и его младший сын Богдан. В литовских документах родовое прозвание потомков Андрея Зузы употреблялось в формах *Зузин* (в единичных случаях *Зузич* и *Зузинович*) и главным образом *Сузин* (реже *Сузинов*), позднее, во времена Речи Посполитой, использовалась транслитерированная форма *Suzin*⁴⁴.

Хронология жизни и история землевладений потомков Андрея Зузы в Великом княжестве Литовском выстраивается следующим образом.

Никаких известий о Зюзиных за период до смерти Михаила Борисовича Тверского (ум. не ранее декабря 1501 г.⁴⁵ — до 13 декабря

⁴² Алексеев А.И. Синодик Чудова монастыря. С. 66. Л. 87. Прим. 324. Приняв пунктуацию публикатора росписи Зюзиных 1576 г. («Андрей в чернцох был, Антоний у Чюда»), С.И. Ярославцева посчитала Андрея-Антония двумя разными людьми (Ярославцева С.И. Род Иваниса Зюзина, вкладчика Златоустовского монастыря // Златоустовские чтения. Сборник докладов научно-практической конференции 16–17 февраля 2021 г. М., 2022. С. 110).

⁴³ Родословные росписи тверской аристократии. С. 210.

⁴⁴ Отметим, что во владельческой записи одной из разрядных книг, принадлежавшей окольничему А.И. Зюзину (ум. в 1618/19 г.), его фамилия написана в форме «Сузин» (Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII века. М., 2005. С. 402).

⁴⁵ 18 декабря 1501 г. в Краков было доставлено несколько посланий («ярлыков») Шейх-Ахмата, в одном из которых хан Большой Орды извещал Александра Казимирского о смерти его отца.

1504 г.⁴⁶) источники не сохранили. Первое упоминание одного из представителей рода на литовской службе относится только к 1506 г. В этом году Александр Ягеллончик выдал своему дворянину Алексею Андреевичу Зузину подтвердительный данный лист на двор Бучемль Каменецкого повета⁴⁷. Подлинная грамота была составлена на пергамене и скреплена вислой великокняжеской печатью; ее текст сохранился в трех списках XVI–XVII вв. и неоднократно публиковался⁴⁸. Пожалование было оформлено «на вечность», т. е. Бучемль передавался Зузину в вотчинное владение, однако распоряжался он этим имением и ранее, имея на него «першую данину» великого князя. Датировать это первое пожалование можно только широким промежутком времени с июля 1492 г., когда Александр стал править в Литве, по июль 1506 г., когда Зузин получил по своему челобитью подтвердительную грамоту.

Как будет показано далее, в первой половине XVI в. все известные владения эмигрантов Зузиных располагались только в Бучемле и его окрестностях. Михаил Борисович не имел вотчин в Каменецком повете, хотя

мировича о своем намерении вернуть Михаилу Борисовичу великокняжеский престол: «Ино тепер(ь) бы вам то звездомо было, што ж Михайло Тферский мой холоп был, ино я его хочу на его отъчину опять кн(я)зем вчынити» (LM. Knyga Nr. 5 (1427–1506). *Užrašymų knyga* 5. Vilnius, 2012. № 457. P. 289).

⁴⁶ В этот день часть выморочных имений Михаила Борисовича была отдана другому владельцу, что маркирует верхнюю возможную дату его смерти. Соответствующий документ датирован 7013 г. декабря 13, индикта 8; впервые он был опубликован в середине XIX в. под неверной датой 1505 г. (Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. I. № 218. С. 365–366). Правильная датировка была предложена в повторном издании документа 1993 г. (LM. Knyga Nr. 5 (1427–1506). *Užrašymų knyga* 5. Vilnius, 1993. № 155. P. 270). Несмотря на это, в некоторых современных изданиях декабрь 1505 г. по-прежнему указывается в качестве того времени, не позднее которого скончался последний великий князь тверской (см., например: Клог Э. Княжество Тверское. С. 367; Кучкин В.А. Михаил Борисович // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М., 2000. Т. III. С. 621; Кузьмин А.В. Михаил Борисович // Большая российская энциклопедия. М., 2012. Т. XX. С. 483–484).

⁴⁷ В документах первой половины XVI в. административно-территориальная единица с центром в Каменце, в 1560-е гг. вошедшая в Берестейское воеводство, синхронно именовалась и «волостью», и «поветом». Здесь и далее используется второй термин. В Каменецком районе Брестской области Белоруссии ныне компактно (на площади около 1,5 км²) расположены три населенных пункта с названием Бучемль (бел. Бучамля).

⁴⁸ Ревизия пуш и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильна, 1867. С. 164–165; Акты Литовской метрики. Варшава, 1897. Т. I. Вып. 2. № 765–766. С. 192–193; LM. Knyga Nr. 5. Vilnius, 1993. № 167. P. 282–283; Ibid. Vilnius, 2012. № 571. P. 386–387; Ibid. Knyga Nr. 25. № 101. P. 161–162.

одно из его имений Лососин (Лососная), составлявшее при нем единый землевладельческий комплекс с селами Белавичи, Гощево и рядом других «приселков», располагалось относительно неподалеку (менее 100 км от Бучемля) в соседнем Слонимском повете. В 1504 г. Лососин был пожалован князю В.А. Глинскому «вечно и непоручно», «со всем по тому, как держал князь(ь) Михайло Борисович Тверский»⁴⁹. Такая формулировка могла бы указывать на то, что и тверской князь распоряжался этим имением как вотчиной, а значит, имел право жаловать здесь землю своим боярам и слугам. С его пожалованиями впоследствии должны были бы считаться великие князья литовские, подтверждая их собственными грамотами, однако ни один подобный документ не известен. Позднее у Зузиных не было имений в Слонимском повете. Вероятно, Бучемль первоначально был передан Алексею Андреевичу в «хлебокормление» после перехода на службу к Александру Казимировичу. Если этот переход состоялся до смерти Михаила Борисовича, Зузины должны были утратить полученные от него вотчины⁵⁰, если после, то земельные раздачи тверского князя могли быть признаны незаконными, а имения его бояр — отняты в казну, как это случилось после кончины великого князя Ивана Рязанского⁵¹.

Имя Алексея Зузина в источниках более не встречается, ему наследовали сыновья Федор и Роман. *Федко Сузин* впервые фигурирует в реестре раздачи жалования «князем, паном и дворяном», датированном февралем 1509 г.⁵² В качестве великокняжеского дворянина он упомянут и во всех последующих документах. Роман Алексеевич умер ранее начала 1515 г., а его вдова, землянка Каменецкого повета *Романовая Сузиновая Людмила*, в течение 1515–1517 гг. вела несколько тяжб со своим дедом Федором Алексеевичем. В частности, по показаниям Людмилы, он ворвался в унаследованный ею от мужа дом, «збил» и «съсоромотил» ее, вынес все ценности и прилюдно угрожал дальнейшей расправой («как дей есми тогда тебе бил, и ещо буду тебе бити»); позднее обе стороны предъявляли друг другу финансовые претензии⁵³.

⁴⁹ LM. Knyga Nr. 5. Vilnius, 2012. № 559. P. 374–375.

⁵⁰ См., например, положение подтверждающей грамоты князю В.М. Вереискому на г. Любеч и другие вотчины (1499 г.) о праве его бояр сменить господаря, но лишившись при этом своих имений (Ibid. № 209. P. 129).

⁵¹ *Ерусалимский К.Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 109–110.

⁵² LM. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8. Vilnius, 1995. № 558. P. 407.

⁵³ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею (далее — РИБ). СПб., 1903. Т. 20. № 166, стб. 221–223; № 337, стб. 447–448; № 363, стб. 490; № 372, стб. 501–502.

У Романа и Людмилы Зузиных была дочь, мужем которой к 1517 г. стал господарский дворянин Федор Плюсков — представитель разделившегося в начале XVI в. смоленского рода Плюсковых, частью выехавших в Москву и пополнивших прослойку «литвы дворовой», а частью оставшихся служить в Литве⁵⁴. Еще до замужества неназванной по имени Зузиной между ее матерью и Федором Зузиным был осуществлен раздел родового имения Бучемль, сначала утвержденный Сигизмундом I Старым, но затем, после вмешательства Плюскова, признанный неправомерным по причине сокрытия несовершеннолетия девушки на момент заключения сделки. В июле 1517 г. великий князь литовский постановил заново разделить «тое именье, двор и люди вси, и земли пашные и бортные, и сеножати того именья», но результат повторного раздела неизвестен⁵⁵. В 1525 г., когда Федора Зузина уже не было в живых (об этом далее), Бучемль был назван «двором» Федора Плюскова⁵⁶.

За время своей службы Ф.А. Зузин несколько расширил отцовские владения в Каменецком повете. Он получил от Сигизмунда I Старого жалованную грамоту на две «пустовские земли», видимо, прилегавшие к границам Бучемля. Это произошло в бытность каменецким наместником князя С.А. Чарторыйского (1507–1518 гг.)⁵⁷, который ввел Зузина во владение («увязал») только одной из «пустовщин». В 1516 г. Федор Алексеевич бил об этом челом великому князю, прося его заменить вторую землю на тяглого человека с его хозяйством⁵⁸. Из грамоты от 18 июня 1523 г. выясняется, что до апреля 1518 г., когда наместничество в Каменце было передано другому лицу, князь Чарторыйский успел решить вопрос с наделением земель Зузина, вскоре получившего на новые владения и великокняжеский лист. Кроме того, Зузин приобрел земельный участок у каменецкого мещанина⁵⁹.

Уйдя из жизни между июлем 1517 г. и июнем 1523 г. и не оставив, по всей видимости, прямых наследников, Федор Алексеевич завещал все свое имущество двоюродному брату Григорию Васильевичу Зузи-

⁵⁴ Кром М.М. *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.* / 3-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 235, 240, 241, 278.

⁵⁵ LM. Knyga Nr. 11 (1518–1523). *Užrašymų knyga 11*. Vilnius, 1997. № 18. P. 53–54.

⁵⁶ Ibid. Knyga Nr. 14 (1524–1529). *Užrašymų knyga 14*. Vilnius, 2008. № 770. P. 316.

⁵⁷ *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy*. Warszawa, 2020. T. VIII. Ziemia Brzeska i województwo Brzeskie. XVI–XVIII wiek. S. 65.

⁵⁸ LM. Knyga Nr. 9 (1511–1518). *Užrašymų knyga 9*. Vilnius, 2002. № 642. P. 351.

⁵⁹ Ревизия пущ и переходов звериных. С. 160–161; LM. Knyga Nr. 12 (1522–1529). *Užrašymų knyga 12*. Vilnius, 2001. № 202. P. 232.

Побег великого князя Михаила Борисовича из Твери.
 Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в.

ну, в руках которого остался и «тестament» (завещание) родственника. В 1523 г. Григорий Сузин получил подтверждение на «пустовщину», тяглого человека и купленную в Каменце землю; наличие вотчинных прав Зузиных на Бучемль в документах более не оговаривалось⁶⁰.

⁶⁰ Там же.

Это первое упоминание отца будущего опричника в источниках, хотя в то время он уже нес дворянскую службу. Как землевладелец Каменецкого повета, *Гришко Сузинов* снаряжал со своего имения одного вооруженного всадника (1528 г.)⁶¹; впоследствии он упоминался в числе господарских дворян, получавших жалованье из государственной казны (1537 г.)⁶². В 1552 г. один из Зузиных — либо сам Григорий Васильевич, либо кто-то из его сыновей (Василий или Богдан) — был отправлен для взыскания многолетних недоимок с еврейского населения Литовского государства, но поручение выполнить не смог. Некое должностное лицо (видимо, земский подскарбий Иван Горностай) сообщало об этом Сигизмунду II Августу: «Тых часов послал был Зузина, и [жыдове его] бить хотели, и подвод не дали, и пешого назад отправили, а в Берестии сами гроши побрали»⁶³.

«Пан» Григорий *Сузин* еще был жив в 1559 г., когда в Каменецком повете проверялись имущественные документы местной шляхты. Им была явлена упомянутая выше великокняжеская грамота 1523 г. К этому времени владельческие права на Бучемль окончательно утратили не только Зузины, но и Плюсковы. Имение принадлежало четверым другим собственникам (князю Василию Мосальскому, панам Юрию Болобану, Яну Чапле и Григорию Калиховичу), которые предоставили королевским ревизорам грамоту 1506 г., полученную А.А. Зузиным от Александра Казимировича. Подданные Григория Зузина и владельцев Бучемля совместно пользовались частью угодий в Беловежской пуще, что дополнительно указывает на смежность их имений⁶⁴.

В переписи литовского войска 1567 г. фигурирует известный росписи Зузиных 1576 г. Богдан *Сузин*, выставявший «з ыменья своего Ходосович»⁶⁵ одного всадника и еще одного конного воина «над повинность свою». Имеющаяся подле его имени помета о том, что во время переписи он «з листом ехал до повету», свидетельствует о его дворянской службе, общей для всех эмигрантов Зузиных⁶⁶.

⁶¹ Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1. Мінск, 2003. С. 99. Л. 107.

⁶² LM. Knyga Nr. 21 (1536–1537). Užrašymų knyga 21. Vilnius, 2019. № 5. P. 26.

⁶³ Ibid. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37. Vilnius, 2011. № 24. P. 118.

⁶⁴ Ревизия пущ и переходов. С. 160–161, 164–165.

⁶⁵ Ныне агрогородок Ходосы (бел. Хадасы), расположенный в 12,5 км по прямой к северо-востоку от Бучемля.

⁶⁶ РИБ. Пг., 1915. Т. 33. Стб. 1192. Прим. 7.

К середине 60-х гг. XVI в. Богдан Григорьевич оставался единственным представителем своего рода, служившим в Литве. Другая ветвь Зузиных пресеклась к началу 1520-х гг. со смертью Федора Алексеевича, отец Богдана умер либо не служил по старости, а брат Василий, ни разу не упомянутый в источниках литовского происхождения, уже находился при дворе Ивана IV. Очевидно, многочисленные *Сузины* (польск. *Suzin*), известные из документов последующего времени, являлись потомками этого Богдана⁶⁷. Перейдя, судя по составу имен, в католицизм или протестантизм, Сузины в дальнейшем по-прежнему были связаны с Берестейским воеводством и до конца XVIII в. занимали прочное положение в иерархии местных чинов и должностей⁶⁸. Еще позднее фамилия Зузиных значилась среди дворянских родов Гродненской губернии⁶⁹, а частью имения Ходосы Сузины продолжали владеть и в XX в.⁷⁰

Говоря в 1576 г. о высоком положении, которое его родичи занимали на службе в Тверском и Литовском великих княжествах, Василий Григорьевич Зюзин указывал в своей «памяти»: «... а во Твери... да и в Литве был дед мой у своего государя боярин, а дядя... мой Федор Зюзин, меньшей брат батьку, в Литве был на Щитово место справца гетманства дворного, а с ним был в меньших товарищех князь Ондрей Озерецкой»⁷¹. В актовых источниках не выявлены сведения о Василии Андреевиче Зюзине, хотя кажется вполне логичным, что сохранивший верность великому князю Михаилу Борисовичу и последовавший за ним в изгнание «боярин» дол-

⁶⁷ На вероятность происхождения польского шляхетского рода Сузиных, пользовавшегося гербом Рох III, от выходцев из Твери Зюзиных указали составители «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Здесь же отмечено, что Богдан Григорьевич Сузин был «пожалован поместьями» в Литве в 1596 г. (Сузины // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 32. С. 25).

⁶⁸ Алфавитный указатель ко II, III, IV и V томам актов, изданных Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1872. С. 86–87; *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego*. S. 386–387.

⁶⁹ Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу. Гродна, 1900. С. 16. Каменец-Литовская волость, где в XVI в. располагались имения Зузиных, входила в Брестский уезд Гродненской губернии Российской империи.

⁷⁰ *Несцярчук А.М.* Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў. Мінск, 2002. С. 183.

⁷¹ РИС. С. 4.

жен был находиться в ряду наиболее приближенных к своему сюзерену лиц. Исходя из времени упоминания в источниках, названный следом двоюродный дядя В.Г. Зюзина Федор Алексеевич был, скорее, старшим, а не «меньшим» братом Григория Васильевича.

Следует проанализировать сообщение о том, что Федор занял «Щитово место» на уряде «справцы гетманства дворного» и служил совместно с князем Озерецким. Вне сомнения, Зюзиным были упомянуты реальные личности, однако занимали ли они, как и сам Федор Зузин, столь высокое положение? Крупной политической фигурой, действовавшей в Литве во второй половине XV в., был Якуб Немирович Щит. Его сыновья усвоили прозвание Щит или Щитович; в первой трети XVI в. двое из них входили в состав рады Великого княжества Литовского. Ими были Ян Якубович — мечник в 1509–1510 гг., господарский маршалок в 1510–1518 гг. (ум. в 1521 г.) и Миколай Якубович — господарский маршалок в 1522–1531 гг.⁷² Хронологически В.Г. Зюзин должен был иметь в виду Яна Щитовича, старшего из братьев.

Среди князей Друцких-Озерецких известен только один князь Андрей, который был сыном основателя этой ветви рода Ивана Федоровича, выехавшего в Москву в 1508 г. в результате мятежа Глинских. Князь Андрей Иванович Озерецкий был современником Федора Зузина, однако его первое упоминание в документах — причем в контексте имущественного разбирательства, а не в связи с занятием какой-либо должности — относится только к 1522 г., когда Зузина, возможно, уже не было в живых. Значительно позднее, с 1547 г., князь Озерецкий занимал уряд наместника (старосты) оршанского⁷³.

Под «справцем гетманства дворного» нужно понимать непосредственно должность дворного (или «дворянского», позднее «польного») гетмана, которая неизвестна источникам ранее 1520 г., когда с этим титулом был упомянут Ю.М. Радзивилл. Следующим дворным гетманом в 1535–1539/40 гг. был киевский воевода Андрей Якубович Немирович⁷⁴. Как и Щиты/Щитовичи, Немирович восходил к конюшему великого князя Витовта Яну Немире, однако прозванием Щит не пользовался. В любом случае А.Я. Немирович действовал на этом

⁷² Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 343–344; Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: spisy. Kórnik, 1994. S. 87, 89, 97, 243.

⁷³ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 360–361.

⁷⁴ Urzędnicy centralni. S. 45.

уряде уже после смерти Федора Зузина, который, в свою очередь, в 1509–1523 гг. упоминался только со служилым титулом господарского дворянина — т. е. являлся рядовым служилым человеком при дворе великих князей литовских и не занимал сколь-либо значимых должностей.

Таким образом, приходится усомниться в правдивости показаний В.Г. Зюзина о чрезмерно высоком для эмигранта статусе его двоюродного дяди Федора Алексеевича. Вместе с тем стоит отметить, что судьбы, разбиравшие в 1576 г. местнический спор между Зюзиным и Нагим, имели возможность удостовериться в реальности фигур Щита и князя Озерецкого. Ян Якубович Щит, сопровождаемый Сигизмундом Герберштейном, находился с посольством в Москве в 1517 г.⁷⁵ Отец князя Озерецкого упоминался в источниках московского происхождения в числе выехавших с князьями Глинскими лиц, в 1509 г. велись переговоры о выезде из Литвы его жены; князь Андрей Иванович неоднократно фигурировал в качестве оршанского наместника в русских посольских документах первой половины 1550-х гг.⁷⁶

Поводом для отъезда в Москву самого В.Г. Зюзина якобы послужило местническое столкновение с Евстафием Воловичем: «а яз... был в Литве, да Остафей Волович у одного дела со мною, и меня Остафьем учили отводить, и яз, не хотя Остафья меньше быть, того для и к государю отъехал»⁷⁷. Для оценки правдоподобности этих слов необходимо установить возможные сроки выезда Зюзина. В.Б. Кобрин считал, что он выехал «на Русь только при Василии III»⁷⁸; по мнению С.Н. Попова, это произошло «в самый разгар опричнины»⁷⁹; М.М. Бенцианов полагает, что «на московскую службу В.Г. Зюзин перешел где-то в конце 1540-х гг.»⁸⁰. Из наказной памяти русским послам 1581 г. известно, что он выехал из Литвы в правление Сигизмунда II Августа, т. е. между 1548 и 1572 гг.: «от(ъ)ехал от прежнего государя Жигимонта Августа короля, а не от нынешнего государя вашего Стефана короля»⁸¹.

⁷⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СБРИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 500–547, 589, 601.

⁷⁶ Там же. С. 490–494. Там же. СПб., 1887. Т. 59. С. 349, 355, 382, 457, 484, 486, 531; Зимин А.А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 71.

⁷⁷ РИС. С. 4.

⁷⁸ Кобрин В.Б. Опричина. С. 133.

⁷⁹ Попов С.Н. Тверская знать. С. 170.

⁸⁰ Бенцианов М.М. «Литвины» и «паны». С. 119.

⁸¹ Цит. по: Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве. С. 189.

Зюзин не был включен в Тысячную книгу 1550 г., в которой тысячниками 3-й статьи по Суздалю значились его двоюродные дядья Бахтеяр, Беяница, Стрет, Иванис и Мисюр Зюзины, сыновья Григория Страдника⁸². Имя Василия Григорьевича дважды внесено в Дворовую тетрадь. Сначала оно вписано сразу после его дядьев-«суздальцев» (по М.М. Бенцианову — «однофамильцев Зюзиных»). Вторым раз оно единственным помещено вслед за подзаголовком «Изо Твери же нововыезжей» к рубрике «Помещики тверские» с пометой «Из Суздаля»⁸³. Определение «нововыезжий» здесь, безусловно, следует относить к выезду Зюзина из Литвы, а не к его перемещению по службе из Твери в Суздаль либо в обратном направлении⁸⁴. Расположение имени Зюзина в самом конце «тверской» рубрики и сразу после имен родичей в «суздальской» рубрике в целом коррелирует с наблюдениями А.А. Зимина как о прямом хронологическом порядке пополнения Дворовой тетради новыми боярами и окольными, так и о внесении их имен рядом с именами ближайших родственников (братьев)⁸⁵. Б.Н. Флоря указал, что оба этих способа фиксации новых имен практиковались и при пополнении списка дворовых детей боярских⁸⁶. Таким образом, Дворовая тетрадь была пополнена именем Зюзина уже после создания ее первоначального текста, т. е. в период между 1551/52 г. (датировка А.А. Зимина)⁸⁷ либо 1553/54 г. (датировка А.А. Корзинина)⁸⁸ и 1560/61 г. — до тех пор, пока этот источник являлся действующим. Из почти 10-летнего периода, в течение которого В.Г. Зюзин мог покинуть Литву и попасть в состав Государева двора, более предпочтительной кажется его вторая половина, поскольку первое упоминание Зюзина на московской службе относится только к ноябрю 1562 г. Тогда он в числе других «дворян»

⁸² Тысячная книга. С. 64. Л. 126 об.

⁸³ Там же. С. 153. Л. 115; С. 198. Л. 148.

⁸⁴ С одной стороны, пометы «Изо Твери» и «Из Суздаля» противоречат друг другу и нет ясности, какую из них следует считать более ранней. С другой стороны, можно предположить, что сразу после выезда из Литвы В.Г. Зюзин прибыл в Тверь, где некогда служили его предки. Далее, выяснив текущее место службы живущих родичей и подтвердив родство с ними, он получил возможность приписаться к компактной родовой корпорации Зюзиных — дворовых детей боярских по Суздалю.

⁸⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 372–373.

⁸⁶ Флоря Б.Н. Несколько замечаний о Дворовой тетради как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 50.

⁸⁷ Зимин А.А. Реформы. С. 373.

⁸⁸ Корзинин А.А. К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 115–116.

сидел за столом у князя И.Д. Бельского во время приема литовского посланника⁸⁹.

В середине 1570-х гг., когда разбирался местнический спор между Зюзиным и Нагим, Евстафий Богданович Волович был одной из центральных фигур внутренней и внешней политики Речи Посполитой, его имя было широко известно в Москве. До времени возможного отъезда Зюзина он только начинал выстраивать карьеру, апогеем которой стало получение должности великого канцлера литовского (1579 г.). До конца 1540-х гг. Волович был писарем виленского воеводы и канцлера Я.Ю. Глебовича, затем являлся подстаростим берестейским (1550–1551 гг.), господарским писарем (1551–1566 гг.), державцей медницким (1552–1561 гг.), господарским маршалком (1553–1561 гг.), старостой могилевским (1554–1556 гг.), маршалком надворным (1561–1569 гг.), в 1561 г. стал земским подскарбим⁹⁰. Еще в 1553 г. Е.Б. Волович находился с Великим посольством в Москве⁹¹.

Представить ситуацию, при которой В.Г. Зюзина начали бы «отводить», т. е. отстранять от занимаемой должности или «места» в пользу Воловича, довольно сложно. Как говорилось выше, в Литовской метрике и близких ей комплексах не были выявлены прямые упоминания Зюзина, но маловероятно, что его положение в иерархии чинов Литовского государства разительно отличалось от дворянского статуса его родичей. Получение им любого, даже незначительного территориального уряда или служба в государственной канцелярии в любом случае была бы отмечена в источниках. Сомнительно также, что указанный Зюзиным местнический «случай» вообще мог иметь место в Литве, где установленный порядок получения чинов и должностей в составе рады, сложившаяся последовательность рассаживания панов-рады по «лавицам» вокруг монарха⁹² либо назначения на областные уряды не становились предметом местнических разбирательств. Соответственно, заявление В.Г. Зюзина о службе «у одного дела» с одним из наиболее видных политиков Литвы середины — второй половины XVI в. кажется не более чем вымыслом, призванным

⁸⁹ СБРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 94.

⁹⁰ Urzędnicy centralni. S. 76, 91, 129, 251; Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. / 2-е выд. Мінск, 2007. Т. 1. С. 382.

⁹¹ СБРИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 381–420.

⁹² См. об этом: Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / Подгот. к печати Д.В. Карев; авт. вступ. ст. Д.В. Карев. Минск, 2012. С. 275–276.

возвысить его «место» при дворе литовских господарей в глазах судей и царя, разбиравших спор 1576 г.

Таким образом, сразу несколько представителей рода Зюзиных последовательно сохраняли верность своему государю Михаилу Борисовичу, сначала бежав с ним из осажденной Твери, а затем не покинув его в ходе неудавшейся попытки реванша осенью–зимой 1486 г., о которой сообщает Типографская летопись⁹³. Их отъезд был воспринят как измена, что, вполне вероятно, стало поводом для преследования их родственников, не сумевших или не пожелавших отправиться в Литву. Предполагаемая опала сказалась на карьере части потомков Андрея Зузы, долгое время не имевших возможности пробиться в состав Государева двора. Обстоятельства перехода Зузиных-эмигрантов на службу к великим князьям литовским неизвестны — этот переход мог произойти как до, так и сразу после смерти тверского князя. Статус господарских дворян, общий как минимум для двух ветвей рода, позволил Зузиным занять определенное положение в среде служилой знати Великого княжества Литовского, но никто из них не достиг тех служебных высот, на которые впоследствии ссылался В.Г. Зюзин. Путем семейных разделов их родовые вотчины в Камене́цком повете постепенно дробились, а центр этих владений, Бучемль, по неясным причинам был ими утрачен. Следует полагать, что именно неудовлетворенность материальным и служебным положением могла побудить В.Г. Зюзина отъехать в Московское государство, где он добился больших успехов и пользовался доверием царя Ивана IV. «Тягаясь в отечестве» с Ф.Ф. Нагим, литовский уроженец В.Г. Зюзин продемонстрировал тонкое понимание системы местничества, умение аргументированно вести борьбу с соперником при поддержке родичей, а также глубокие познания в своей родословной, особо отмеченные М.Е. Бычковой⁹⁴. Его сильно преувеличенные показания о служеб-

⁹³ ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 236.

⁹⁴ Исследовательница писала, что поданная Зюзиным родословная роспись «еще раз свидетельствует о том, что в XVI в. в памяти людей хорошо сохранялась история своих семей, они могли составлять полностью свою родословную до четвертого колена, зная всех ближайших родственников и не путая их старшинства» (Бычкова М.Е. Родословные книги XVI в. как исторический источник. М., 1975. С. 132).

ных достижениях Зузиных в Литве, видимо, должны были компенсировать более чем полувековой разрыв между боярством Афанасия Шетнева и включением его дядьев (как и его самого) в состав Государева двора.

Пример эмигрантов Зузиных демонстрирует, что дальнейшее изучение созданных в Великом княжестве Литовском письменных источников в перспективе может дать материал для хотя бы частичной реконструкции персонального состава «малой дружины», бежавшей с тверским князем Михаилом Борисовичем в сентябре 1485 г.

Впрочем, Иванису Зюзину как раз пришлось поправлять некоторые ошибки в росписи племянника («то Василей пропаметовал»), касавшиеся, главным образом, старшинства их современников Шетневых, о которых Василий Григорьевич знал только понаслышке.

REFERENCES

1. Akty Litovskoi metriki [Acts of the Lithuanian Metrica]. Warsaw, 1897, vol. 1, issue 2. 200 p.
2. Akty, odnosiaschiesia k istorii Zapadnoi Rossii [Acts Related to the History of Western Russia]. St. Petersburg, 1846, vol. 1. 428 p.
3. Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of Northeastern Russia of the Late XIV — Early XVI Century]. Moscow, 1964, vol. 3. 688 p.
4. *Alekseev A.I.* Sinodik Chudova monastyria v Moskovskom Kremlе [Synodic of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin]. Vestnik tserkovnoi istorii [Bulletin of Church History]. 2019, no. 3–4 (55–56), p. 5–239.
5. Alfavitnyi spisok dvorianskikh rodov Grodnenskoii gubernii, vnesennykh v dvorianskuiu rodoslovnuiu knigu [Alphabetical List of Noble Families of the Grodno Province Included in the Noble Genealogy Book]. Grodno, 1900. 17 p.
6. Alfavitnyi ukazatel' ko II, III, IV i V tomam aktov, izdannykh Vilenskoii Arkheograficheskoiu komissiei [Alphabetical Index to Volumes 2, 3, 4 and 5 of the Acts Issued by the Vilna Archaeological Commission]. Vilnius, 1872. 165 p.
7. *Ankhimiuk Iu.V.* Chastnye razriadnye knigi s zapisiami za posledniuiu chetvert' XV — nachalo XVII veka [Private Books of Ranks with Records for the Last Quarter of the XV — Beginning of the XVII Centuries]. Moscow, 2005. 464 p.
8. *Bentsianov M.M.* «Litviny» i «pany». Vykhodtsy iz Velikogo kniazhestva Litovskogo na moskovskoi sluzhbe v XV–XVI stoletiiakh [«Litvins» and «Pans». Natives of the Grand Duchy of Lithuania in the Moscow Service in the XV–XVI Centuries]. Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy [Research on the History of Eastern Europe]. Minsk, 2019, no. 12, p. 86–125.
9. *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. 425 s.

10. *Borzakovskii V.S.* Istoriia Tverskogo kniazhestva [The History of the Tver Principality]. St. Petersburg, 1876. 434 p.
11. *Bychkova M.E.* Rodoslovnye knigi XVI vv. kak istoricheskii istochnik [Genealogical Books of the XVIth Century as a Historical Source]. Moscow, 1975. 215 p.
12. *Cherepnin L.V.* Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh [Formation of the Russian Centralized State in the XIV–XV Centuries]. Moscow, 1960. 899 p.
13. Dukhovnaia zheny Alekseia Ivanovicha Godunova Ol'gi Vasil'evny, urozhdennoi Zuzinoi, 1625 goda [The Will of Alexei Ivanovich Godunov's wife Olga Vasilyevna, nee Zyuzina, in 1625]. Chteniia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh [Readings at the Imperial Society of History and Antiquities of Russia]. Moscow, 1868, book no. 4, part 5, p. 1–5.
14. *Erusalimskij K.Iu.* Moskovity v Pol'sko-Litovskom gosudarstve vtoroj poloviny XVI — nachala XVII v.: dis. ...dokt. ist. nauk: 24.00.01 [Muscovites in the Polish-Lithuanian State of the Second Half of the 16th — early 17th Century: Dissertation for the Degree of Doctor of History]. Moscow, 2011. 1055 p.
15. *Erusalimskii K.Iu.* Na sluzhbe korolia i Rechi Pospolitoi [At the Service of the King and the Republic]. Moscow, Saint Petersburg, 2018. 1012 p.
16. *Eskin Iu.M.* Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv.: Khronologicheskii reestr [Mestnichestvo in Russia of the XVI–XVII Centuries: Chronological Register]. Moscow, 2021. 352 p.
17. *Floria B.N.* Neskol'ko zamechanii o Dvorovoi tetradi kak istoricheskom istochnike [A Few Remarks on the Gentry Notebook as a Historical Source]. Arkheograficheskii ezhegodnik za 1973 god [Archeographic Yearbook for 1973]. Moscow, 1974, p. 43–57.
18. *Floria B.N.* O putiakh politicheskoi tsentralizatsii Russkogo gosudarstva (na primere Tverskoi zemli) [On the Ways of Political Centralization of the Russian State (on the Example of the Tver Land)]. Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noi Rossii: Sb. st., posviashchennykh 70-letiiu akad. L.V. Cherepnina [Society and the State of Feudal Russia: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Academician L.V. Cherepnin]. Moscow, 1975, p. 281–290.
19. *Iaroslavtseva S.I.* Blizhnei dumy dvorianin Vasilii Grigor'evich Ziuzin — vkladchik Zlatoustovskogo monastyria [Near Duma Nobleman Vasily Grigoryevich Zyuzin — Contributor to the Zlatoust Monastery]. Zlatoustovskie chteniia. Sb. докладов nauchno-prakticheskoi

- konferentsii. 6–7 fevralia 2020 g. [Zlatoust Readings. Collection of Reports of the Scientific and Practical Conference. February 6–7, 2020]. Moscow, 2021, p. 258–279.
20. *Iaroslavtseva S.I.* Rod Ivanisa Ziuzina, vkladchika Zlatoustovskogo monastyria [The Family of Ivanis Zyuzin, a Contributor to the Zlatoust Monastery]. Zlatoustovskie chteniia. Sb. dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii. 16–17 fevralia 2021 g. [Zlatoust Readings. Collection of Reports of the Scientific and Practical Conference. February 16–17, 2021]. Moscow, 2022, p. 107–126.
 21. *Kazakoŭ A.U.* Emigratsyia znatsi z ruskikh kniastvaŭ u Vialikae kniastva Litoŭskae (40-ia gg. XV — 30-ia gg. XVI st.): dys. ... kand. gist. navuk: 07.00.03 [Emigration of the Nobility From the Russian Principalities to the Grand Duchy of Lithuania (the 40s of the 15th — 30s of the 16th Century). Dissertation for the Degree of Candidate of History]. Minsk, 2011. 154 p.
 22. *Khoroshkevich A.L.* Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV — nachala XVI v. [The Russian State in the System of International Relations of the Late XV — Early XVI Century]. Moscow, 1980. 294 p.
 23. *Kliug E.* Kniazhestvo Tverskoe (1247–1385 gg.) [Principality of Tver (1247–1385)]. Tver, 1994. 431 p.
 24. *Kobrin V.B.* Oprichnina. Genealogiia. Antroponimika [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy]. Moscow, 2008. 369 p.
 25. *Koniavskaia E.L.* Tver': ot Mikhaila Aleksandrovicha do Mikhaila Borisovicha [Tver: From Mikhail Alexandrovich to Mikhail Borisovich]. Rus' v XIII–XV vekakh. Novye otkrytiia v oblasti arkheologii i istorii [Rus in the XIII–XV Centuries. New Discoveries in the Field of Archaeology and History]. Moscow, 2021, p. 74–86.
 26. *Korzhinin A.L.* K voprosu o datirovke Dvorovoi tetradi 50-kh gg. XVI v. Ch. 2 [On the Issue of Dating the Gentry Notebook of the 50s of the XVI Century. Part 2]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Bulletin of the St. Petersburg University. History]. 2009, no. 2, p. 98–118.
 27. *Krom M.M.* Mezh Rus'iu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV — pervoi treti XVI v. [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the System of Russian-Lithuanian Relations at the End of the XV — First Third of the XVI Century]. Moscow, 2019. 338 p.
 28. *Kuchkin V.A.* Mikhail Borisovich [Mikhail Borisovich]. Otechestvennaia istoriia. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do 1917 goda: entsiklopediia

- [Russian History. The History of Russia From Ancient Times to 1917: Encyclopedia]. Moscow, 2000, vol. 3, p. 621.
29. *Kuz'min A.V.* Mikhail Borisovich [Mikhail Borisovich]. Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2012, vol. 20, p. 483–484.
 30. *Kuz'min A.V.* Tverskoi boiarskii rod Shetnevych, Ziuzinykh i Sadykovych v XIII — pervoi polovine XVI v. (problemy genealogicheskogo issledovaniia) [Tver Boyar Family of the Shetnevs, Zyuzins and Sadykovs in the XIII — First Half of the XVI Century (Problems of Genealogical Research)]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» [Electronic Scientific and Educational Journal «History»]. 2015, vol. 6, issue 1 (34), access mode: <https://history.jes.su/s207987840000964-9-2/>, paid.
 31. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius, 1993. 401 p.
 32. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8. Vilnius, 1995. 708 p.
 33. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Užrašymų knyga 11. Vilnius, 1997. 226 p.
 34. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25. Vilnius, 1998. 460 p.
 35. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12. Vilnius, 2001. 854 p.
 36. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9. Vilnius, 2002. 615 p.
 37. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymų knyga 14. Vilnius, 2008. 645 p.
 38. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37. Vilnius, 2011. 632 p.
 39. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius, 2012. 586 p.
 40. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 21 (1536–1537). Užrašymų knyga 21. Vilnius, 2019. 350 p.
 41. *Liubavskii M.K.* Oчерk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Liublinskoi unii vkluchitel'no / Podgot. k pečati D.V. Karev; avt. vstup. st. D.V. Karev [An Essay on the History of the Lithuanian-Russian State Before the Union of Lublin Inclusive. Prepared for Publication by D.V. Karev, Introduction by D.V. Karev]. Minsk, 2012.
 42. *Mordovina S.P., Stanislavskii A.L.* Sostav Osobogo dvora Ivana IV v period «velikogo kniazheniia» Simeona Bekbulatovicha [The

- Composition of the Special Court of Ivan IV During the «Great Reign» of Simeon Bekbulatovich]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 god* [Archeographic Yearbook for 1976]. Moscow, 1977, p. 153–193.
43. *Nestsiaarchuk L.M.* Zamki, palatsy, parki Berastseishchyny X–XX stagoddziaŭ [Castles, Palaces, Parks of the Brest Region of the X–XX Centuries]. Minsk, 2002. 336 p.
44. *Novye rodoslovnye knigi XVI v.* / Podgot. k pech. M.E. Bychkova [New Genealogical Books of the XVI Century. Prepared for Publication by M.E. Bychkova]. *Redkie istochniki po istorii Rossii* [Rare Sources on the History of Russia]. Moscow, 1977, issue 2. 186 p.
45. *Obshchii gerbovnik dvorianskikh rodov Vserossiiskoi imperii* [General Armorial of Noble Families of the Whole Russian Empire]. Parts 4–5.
46. *Perapis voiska Vialikaga kniastva Litoŭskaga 1528 goda. Metryka Vialikaga kniastva Litoŭskaga. Kniga 523. Kniga publichnykh spraŭ 1* [The Census of the Army of the Grand Duchy of Lithuania in 1528. The Metrica of the Grand Duchy of Lithuania. Book 523. The Book of Public Affairs 1]. Minsk, 2003. 444 p.
47. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 15. St. Petersburg, 1863. 504 p.
48. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 23. St. Petersburg, 1910. 342 p.
49. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 24. Petrograd, 1921. 272 p.
50. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 26. Moscow; Leningrad, 1959. 413 p.
51. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 27. Moscow; Leningrad, 1962. 418 p.
52. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 35. Moscow, 1980. 306 p.
53. *Popov S.N.* Tverskaia znat' na moskovskoi gosudarevoi sluzhbe v kontse XV — pervoi polovine XVI v.: dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.02 [Tver Nobility in the Moscow Sovereign's Service at the End of the XV — First Half of the XVI Century. Dissertation for the Degree of Candidate of History]. St. Petersburg, 2006. 203 p.
54. *Possevino A.* Istoricheskie sochineniia o Rossii XVI v. [Historical Writings About Russia of the XVI Century]. Moscow, 1983. 272 p.
55. *Reviziia pushch i perekhodov zverinykh v byvshem Velikom kniazhestve Litovskom* [Revision of Forests and Animal Crossings in the Former Grand Duchy of Lithuania]. Vilna, 1867. 381 p.

56. Rossiiskii Gosudarstvennyi Arkhiv Drevnikh Aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 79. Op. 1. D. 12; F. 210. Op. 9. Stb. 1, stp. 2.
57. Rodoslovnaia kniga po trem spiskam [The Genealogical Book According to Three Lists]. Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh [Temporary of the Imperial Moscow Society of History and Antiquities of Russia]. Moscow, 1851, book 10, dual pagination, p. 1–286.
58. Rodoslovnye rospisi tverskoi aristokratii kontsa XVII veka (publikatsiia L.E. Shabaeva) [Genealogical Records of the Tver Aristocracy of the Late XVII Century (published by L.E. Shabaev)]. Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh [Russian Genealogy: a Scientific Almanac]. Moscow, 2017, issue 2, p. 176–280.
59. Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Imperatorskoiu Arkheograficheskoiu komissiei [The Russian Historical Library, published by the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg, 1903, vol. 20. 1120 p.
60. Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Imperatorskoiu Arkheograficheskoiu komissiei [The Russian Historical Library, published by the Imperial Archaeological Commission]. Petrograd, 1915, vol. 33. 702 p.
61. Russkii istoricheskii sbornik, izdavaemyi Obshchestvom istorii i drevnostei rossiiskikh [Russian Historical Collection published by the Society of History and Russian Antiquities]. Moscow, 1842, vol. 5. 406 p.
62. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1882, vol. 35. 952 p.
63. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1887, vol. 59. 708 p.
64. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1892, vol. 71. 946 p.
65. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad, 1977, issue 12. 368 p.
66. Suziny [The Suzins]. Entsiklopedicheskii slovar' / Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron [Encyclopedic Dictionary by F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. St. Petersburg, 1901, vol. 32, p. 25.

67. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dalia [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. St. Petersburg; Moscow, 1880, vol. 1. 723 p.
68. Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvorovaia tetrad' 50-kh godov XVI v. [The Best Thousand Book of 1550 and the Gentry Notebook of the 1550s]. Moscow; Leningrad, 1950. 456 p.
69. Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: spisy. Kórnik, 1994. 255 s.
70. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Warszawa, 2020. T. VIII. Ziemia Brzeska i województwo Brzeskie. XVI–XVIII wiek. 405 s.
71. *Vershinin* K.V. Rogozhskii vtoroi letopisets nachala XVI v. [Rogozhsky Second Chronicler of the Beginning of the XVI Century]. Srednevekovaia Rus' [Medieval Russia]. Moscow, 2022, issue 15, p. 163–212.
72. *Veselovskii* S.B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, 1974. 382 p.
73. Vyalikaje knyastva Litouskaje: Encyklapiedyja. V 2 t. [Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia: In 2 v.]. 2nd edition. Minsk, 2007, vol. 1. 688 p.
74. *Wolff* J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. XXV, 698 s.
75. *Zimin* A.A. Reformy Ivana Groznogo [Reforms of Ivan the Terrible]. Moscow, 1960. 512 p.
76. *Zimin* A.A. Novoe o vosstanii Mikhaila Glinskogo v 1508 g. [New Information About the Uprising of Mikhail Glinsky in 1508]. Sovetskie arkhivy [Soviet Archives]. 1970, no. 5, p. 69–73.
77. *Zimin* A.A. Feodal'naia znat' Tverskogo i Riazanskogo velikikh kniazhestv i moskovskoe boiarstvo kontsa XV — pervoi treti XVI v. [The Feudal Nobility of the Tver and Ryazan Grand Principalities and the Moscow Boyars of the Late XV — first third of the XVI Century]. Istoriia SSSR [History of the USSR]. 1973, no. 3, p. 124–142.

Ключевые слова:

присоединение Твери к Московскому государству, род Зюзиных (Сузиных),
Великое княжество Литовское, служилые люди-эмигранты, местничество.

Andrey A. Bondarenko

TVER BOYARS ZYUZINS ON SERVICE IN LITHUANIA AND MOSCOW

As a result of the events of the autumn of 1485, Tver was annexed to the Moscow State and the last Grand Prince of Tver Mikhail Borisovich fled to Lithuania accompanied by a small number of loyal people. Among them were several boyars of the Zyuzins as evidenced by the materials of the mestnichestvo court case of 1576 between Vasilij Zyuzin and Fyodor Nagoy. The article reconstructs the composition of the «Lithuanian» branch of the Zyuzin (Zuzin) family whose representatives predictably do not appear in the Russian genealogical records of the 16–17 centuries.

The sources do not contain any indications of the Zuzin emigrants' service to the Prince of Tver noting that after his death they served the Grand Dukes of Lithuania and successfully assimilated into the Lithuanian nobility. By the middle of the XVI century the Zuzins lost the family estate of Bucheml in the Kamenetsky povet (district) and failed to achieve a high status possessing the service title of hospodar's (lord's) «noblemen». It was probably this state of affairs that prompted Vasilij Grigoryevich Zyuzin to leave the Grand Duchy of Lithuania for Moscow where he made a successful career in the Oprichnina and Special Courts and was a person close to Tsar Ivan IV. His blood brother Bogdan stayed in Lithuania and gave rise to the Polish szlachta (noble) family of Suzins who lived in the vicinity of Bucheml as far back as the beginning of the XX century.

The analysis of the oral testimony and written «memories» presented by V.G. Zyuzin in the 1576 mestnichestvo court case allows us to conclude that he greatly exaggerated the service achievements of the representatives of his clan in Lithuania, although he mentioned the real historical figures well known in Moscow. The attempt to exalt the Zuzins' «place» in the Lithuanian court was designed to compensate for the half-century gap between the rank of a boyar of their relative Afanasiy Shetnev and the incorporation of Vasilij Zyuzin and his father's cousins into the Tsar's court.

Key words: Annexation of Tver to the Moscow State, the Zyuzin (Suzin) family, Grand Duchy of Lithuania, Service Class Emigrants, Mestnichestvo.

Andrey A. Bondarenko — C.Sc. (History), Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

 Бондаренко Андрей Андреевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института российской истории РАН. SPIN-код: 2541-3355